РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 911.37(470+571)

О.Ю. Голубчиков[1], **А.Г. Махрова**[2]

ФАКТОРЫ НЕРАВНОМЕРНОГО РАЗВИТИЯ РОССИЙСКИХ ГОРОДОВ

В статье проводится анализ факторов неравномерного развития российских городов в постсоветский период в контексте взаимоотношения между различными "объективными" и "субъективными" группами факторов, в том числе рассмотрены роль численности населения города, его функции и статус, унаследованная структура, экономико-географическое положение, политика властей разного уровня и крупного бизнеса, качество городской среды и человеческий капитал как факторы неравномерного развития российских городов.

Ключевые слова: города, неравномерное развитие, факторы трансформации, численность населения, функции городов, экономико-географическое положение, городская политика.

Введение. На рубеже XX—XXI вв. в развитии российских городов возникли новые тенденции, тесно связанные с изменением институциональных и социально-экономических условий в стране. При этом кардинальная смена вектора от выравнивания к усилению неравномерности в уровне социально-экономического развития городов и регионов, пожалуй, одно из наиболее ярких явлений в процессах постсоветской урбанизации. Усугубление градиентов социально-экономической дифференциации между городами привело к тому, что уровень межгородского неравенства, как отмечено в работах Т.Г. Нефедовой и А.И. Трейвиша, значительно превышает диспропорции между субъектами РФ [10, 19]. Тем не менее именно регионы и крупнейшие города остаются основным объектом исследований в этой сфере знаний, тогда как факторы неравномерного развития городов осмыслены пока мало [4, 12].

Постановка проблемы. В основной массе работ на эту тему указана "детерминированность" процессов усугубления неравенства между городами в России, что связано как с переходом к рынку и отходом от плановой экономики, так и с глобализацией и "барьерами пространства" [3, 10—14]. Вместе с тем опыт стран со сложившимися капиталистическими отношениями указывает на примат господствующей идеологии в определении уровня территориальных диспропорций. Так, переход стран Запада к более либеральным экономическим моделям в 1970-е гг. и отход от фордистско-кейнсианской политико-экономической модели развития был сопряжен с ослаблением политики, направленной на сбалансированное территориальное развитие. Неравномерное развитие теперь понимают не как ограничение для развития, а как механизм ускоренного роста, когда приоритет уделяется стратегическим территориям — "локомотивам роста" [15]. Результатом реализации этих противоречивых "неолиберальных" постулатов стало весьма болезненное усугубление территориальных диспропорций в городском развитии, что на сегодняшний момент, в стадии экономического кризиса мировой капиталистической экономики, создает дополнительные ограничения для выхода из кризиса.

В связи с этим развитие городов и их дифференциацию считают не только "объективными" обстоятельствами, но и "субъективными" факторами (в том числе, присутствие или отсутствие той или иной национальной политики территориального развития). В статье рассмотрены итоги неравномерного развития российских городов в контексте взаимоотношения между "объективными" и "субъективными" группами факторов.

Материалы и методы. Статья основана на анализе статистических данных за 1991—2011 гг., статистической базы "Экономика городов России" (ранее называемой "Паспортами городов")[3], а также на обобщении первичных исследований, выполненных авторами по проблеме демографической, экономической и политической трансформации городов, в том числе, по результатам социологических опросов, глубинных интервью с экспертами в сфере городского развития и изучения ряда городов-"ключей" [1, 5—8, 16—18]. Кроме того, обобщены вторичные источники и работы по рассматриваемой теме, официальные документы и аналитические доклады.

Результаты исследований и их обсуждение. Авторы большинства работ, где прямо или косвенно рассмотрен процесс неравномерного развития российских городов, считают, что среди главных "объективных" факторов можно выделить численность населения города, его статус, функции и положение [4, 11, 12].

Численность населения города и особенно его динамика традиционно рассматриваются в качестве наиболее доступных и важных показателей среди факто-

[1] Бирмингемский университет, факультет географии и наук о Земле и окружающей среде, доцент; *e-mail*: o.golubchikov@bham.ac.uk

[2] Московский государственный университет, географический факультет, кафедра экономической и социальной географии России, вед. науч. с.; *e-mail*: almah@mail.ru

[3] Данные получены в Вычислительном центре Росстата, в том числе в кооперации с коллегами из Германии и Института географии РАН — И. Браде, Т.Г. Нефедовой и А.И. Трейвишем, которые выполнили серию работ по диагностике состояния российских городов в постсоветское время [12—14, 22].

ров, отражающих степень социально-экономического благополучия города. В советское время население увеличивалось практически во всех городах, в постсоветский период, напротив, свыше 70% российских городов охватила депопуляция. Хотя население сокращалось в городах всех групп людности, наиболее значительно это происходило в городах с численностью менее 100 тыс. человек (табл. 1).

Таблица 1

Растущие и убывающие города РФ: динамика городов разных групп людности за 1991—2011 гг.*

Показатель	Все города	В том числе города с численностью населения в 1991 г.		
		менее 100 тыс. чел.	от 100 до 500 тыс. чел.	свыше 500 тыс. чел.
Общее число учтенных городов, ед.	1011	845	132	34
Общее число учтенных городов, % в том числе:	100	100	100	100
растущие или стабильные, %	29	27	39	41
убывающие, %	71	73	61	59

* Расчеты выполнены только для городов, для которых есть сопоставимые данные. Составлено по данным ГМЦ России, 2012 г.

Сравним убыль населения городов со среднероссийскими темпами (–3,65%), поскольку это нивелирует тот факт, что даже в миграционно-аттрактивных центрах за счет старения населения может сокращаться людность [2]: прослеживается симметрия в том, что только 1/3 городов в группе городов с людностью свыше 500 тыс. человек теряла население быстрее среднероссийского уровня, тогда как в группе городов с населением менее 100 тыс. человек таких "рекордсменов" было уже 2/3. Для городов с людностью от 100 до 500 тыс. этот показатель составляет 50%, констатируя их статус "середняков", причем на этом фоне население Москвы выросло более чем на 30%[4].

Хотя в каждой группе городов есть свои лидеры и аутсайдеры, наблюдается выраженная тенденция к стягиванию населения, связанная с избирательностью миграций в крупнейшие города, особенно в столицы и их спутники, а также в городские центры, расположенные в Центре и на Юге страны, в нефте- и газодобывающие города Тюменской области и национальных республик Поволжья. Однако часто даже в соседних городах с близкими размерами и внешне похожими функциями отмечается разная динамика. Так, при увеличении числа больших городов — спутников Москвы, подмосковный Ногинск потерял статус "стотысячника" прежде всего за счет особенностей унаследованной структуры экономики.

Разная привлекательность городов в большой степени отражает изменения в *экономике и функциях городов* — переход от индустриального урбанизма к постиндустриальному, который происходил на фоне открытия рынков, атомизации экономик городов и необходимости их форсированной адаптации к новым условиям и привел к неравномерному распределению благосостояния между городами России.

Так, в 1990-е гг. в условиях спада промышленного производства оборотной стороной вынужденной деиндустриализации стала ускоренная тертеаризация экономики городов. Ее главными бенефициарами стали крупнейшие центры страны с людностью свыше 500 тыс. человек, это иллюстрирует увеличение их доли почти на 20% и в обороте розничной торговли, и во вводе жилья, и в инвестициях (в основном за счет сокращения удельного веса малых и средних городов) (табл. 2). При этом рост доли населения крупнейших центров был гораздо скромнее и происходил даже при небольшом увеличении удельного веса населения малых и средних городских центров. Кроме пополнения состава этой группы за счет перехода в нее депопулирующих больших городов, это связано как с низкой миграционной подвижностью населения, сдерживаемой транспортными издержками и почти "крепостной" зависимостью от приватизированного жилья, так и с "отходничеством", когда люди давно живут и работают в крупных городах при сохранении прежнего адреса постоянной регистрации.

Таблица 2

Удельный вес городов с различной численностью населения по ряду социально-экономических показателей, %*

Год	Численность населения	Инвестиции	Товарооборот	Ввод жилья
Города с численностью населения менее 100 тыс. чел.				
1991	43,5	42,3	25,0	43,1
2010	45,5	23,8	11,8	20,6
Города с численностью населения от 100 до 500 тыс. чел.				
1991	34,9	27,4	27,2	26,5
2010	25,6	26,5	20,4	30,6
Города с численностью населения свыше 500 тыс. чел.				
1991	21,6	30,3	47,8	30,4
2010	28,9	49,7	67,8	48,8

* Составлено по данным ГМЦ России, 2012 г.

[4] Две трети всего миграционного прироста страны получают только четыре наиболее привлекательных территории: Москва, Московская область, Санкт-Петербург и Ленинградская область при сильном доминировании Москвы и Московской области, доля которых варьировала в последние годы от 40 до 60%.

Несколько особняком стоят города с населением от 100 до 500 тыс. человек, в которых доля ввода жилья даже выросла, что произошло за счет сдвига строительной активности во второй половине 2000-х гг. из Москвы в ее города-спутники в Подмосковье. В 2010 г. в 16 городах "стотысячниках" в Московской области сконцентрировалась почти 1/4 всего ввода жилья в этой группе центров.

В период восстановительного роста, когда вынужденный характер тертеаризации экономики в 1990-е гг. сменился более здоровыми тенденциями, тертеаризация продолжалась при сохранении и даже наращивании промышленного производства (т.е. одновременно с так называемым процессом реиндустриализации). Анализ душевого объема промышленного производства показывает, что даже в региональных столицах с их, казалось бы, наиболее постиндустриализированной экономикой прослеживается четкая зависимость увеличения этого показателя от роста численности населения, которая сохраняется в течение всего постсоветского периода.

В постсоветский период помимо размера *статус города* стал одним из основных факторов усиления неравномерного развития городов страны. Именно столицы оказались в более выгодном положении, так как это не только крупнейшие города с более диверсифицированной экономикой, но в них сконцентрирована основная финансовая мощь региона из-за особенностей наполнения бюджетов разного уровня, что превращает их в главные ворота страны. В результате этого на внутрирегиональном уровне возрастет разрыв между столицами и возглавляемыми ими регионами, что отчетливо показывает сохраняющаяся дистанция в заработной плате, причем эта тенденция не зависит от размеров регионального центра [4, 8].

Кроме размеров и статуса важный фактор относительно успешного вхождения в рынок — *унаследованная структура экономики города.* В более выгодном положении оказались многофункциональные центры, среди которых опять-таки преобладают региональные столицы. Фактор унаследованной специализации играет особую роль для моноцентров, которые в современной России составляют примерно 1/4 всех городов. Открытие рынков и глобализация привели к еще более резкому по сравнению с советским периодом расслоению в траекториях их развития.

Лишь небольшая часть моногородов, прежде всего экспортно ориентированных центров, привлекательна для инвесторов и населения, но и они из-за своей сильной зависимости от конъюнктуры мировых цен на производимую продукцию не могут развиваться устойчиво в течение долгого времени. Наиболее проблемными среди моногородов остаются центры легкой промышленности и машиностроения, особенно со специализацией на ВПК или на этих двух отраслях одновременно.

При этом многие из моногородов смогли развить новые отрасли специализации и уйти от монозависимости прежде всего за счет развития малого и среднего бизнеса, часто связанного с развитием туризма. Такие центры, например Суздаль, по-новому вписываются в сетевые структуры городов и напрямую, минуя областной центр, выстраивают связи с Москвой — главным рынком сбыта туристических услуг и главными транспортными и финансовыми воротами страны в глобальном мире.

Влияние *фактора положения* существенно для всех городских центров, но показателен пример дивергенции траекторий развития северных городов, удаленность которых выступает в качестве барьера модернизации экономики, с чем связана быстрая потеря низовых звеньев городского каркаса (особенно поселков городского типа). Одновременно на Обском Севере, в зоне развития нефтегазового комплекса, продолжается процесс образования новых городов, а уже существующие центры активно благоустраиваются и развиваются. Яркий пример — Ханты-Мансийск — один из городов-лидеров в РФ по накопленным душевым инвестициям, который превратился в полноценный административный центр, центр деловой активности, большого спорта и культуры.

Несмотря на то что величина, статус, специализация и положение рассматриваются как "объективные" факторы пространственной дифференциации, обладающие высокой степенью инерции и кажущимся "прямым действием", их влияние на самом деле напрямую зависит от господствующей политико-экономической системы, в которой эти факторы работают. Так, именно в результате смены политического режима в стране в сторону весьма радикальной "неолиберальной" модели с начала 1990-х гг. (и по сей день) и демонтажа целенаправленной политики по предотвращению пространственного расслоения эти "объективные" факторы усугубили неравенство, а не привели к обратному эффекту, как это было при социалистической модели развития. Поскольку даже при сложившихся капиталистических отношениях модели пространственного управления весьма разнятся и на выходе имеют разный уровень пространственного неравенства в различных странах и на разных исторических этапах, необходимо отметить примат политических отношений для неравномерного развития, они-то и задают "матрицу" возможностей и ограничений для действия разных "объективных" факторов.

Важную роль в воспроизводстве указанной политико-экономической "матрицы" играет текущая *политика властей разного уровня.* Переход к рынку, частной собственности и демократии изменил систему регуляторов и потребовал выработки новых приоритетов городской политики. Однако в настоящее время в РФ нет сформулированных в явном виде целей городской политики, и о них можно судить только косвенно по принятым стратегиям/концепциям, программам развития и другим документам.

К наиболее важным стратегическим документам федерального уровня относится Стратегия-2020, в ко-

торой определены новые принципы и направления региональной политики, связанные с формированием зон опережающего экономического развития и точек роста. Эти же приоритеты озвучены бывшим министром экономического развития, а теперь советником президента Э. Набиуллиной на Московском международном урбанистическом форуме (декабрь 2012 г.). Как следует из ее выступления, 20 крупнейших городов дают 50% ВВП страны, а на поддержку малых и средних городов тратится 2—3% ежегодного экономического роста страны. В связи с этим, по утверждению экс-министра, в первую очередь необходимо "выделять ресурсы на реализацию крупных федеральных проектов опережающего развития отдельных городов", включая разработку "способов модернизации городской среды, по крайней мере, 12 городов-миллионников" [9]. Одновременно уменьшение числа малых и средних городов рассматривается в качестве "глобальной предопределенности" (хотя, объективно говоря, Россия испытывает дефицит городов, которые могли бы выполнять центральные функции на низовом уровне).

На этом фоне один из элементов де-факто реализуемой градостроительной политики, что также отмечено в выступлениях Э. Набиуллиной и Г. Грефа на Московском форуме, — проведение в России крупных международных событий, которые значительно влияют на развитие городов [9]. Озвученные приоритеты по первоочередной поддержке крупнейших городов и проходящих в них "ивентов" находят отражение как в динамике рейтинга городов — лидеров по объему инвестиций (табл. 3), так и в распределении инвестиций из федерального бюджета. Так, в 2011 г. всего в 6 регионах из 83 субъектов РФ аккумулировано 40% всех инвестиций федерального бюджета. Краснодарский край с Олимпиадой в Сочи получил 11%; на долю Москвы пришлось 10%, причем этот показатель увеличился с 2008 г. на 4%; Приморскому краю с саммитом АТЭС-2012 во Владивостоке было выделено 8%; Татарстан с Универсиадой в Казани получил 5%; на Санкт-Петербург с Ленинградской областью пришлось по 3%.

Такая политика стимулирования крупнейших городов, конечно, усиливает неравномерность пространственного развития страны, причем у федерального Центра отсутствуют принципы выбора городов и регионов, и попадание в число "счастливчиков" зависит от активности и предприимчивости региональных и муниципальных властей, лоббирующих интересы своих территорий.

В контексте такой де-факто сложившейся федеральной политики усугубления, а не сглаживания межгородского неравенства, городские власти стали главным субъектом городской политики. Имея очень небольшие властные полномочия и крайне ограниченные финансовые ресурсы, они должны сами разрешать проблемы и влиять на политику региональных и федеральных властей в своих интересах. Важной формой продвижения российских городов становится празднование юбилеев и дней городов, проведение международных экономических и др. форумов.

Составная часть политики развития и инструмент продвижения интересов города — создание его узнаваемого имиджа. Региональные столицы в этом отношении снова оказываются в более выгодном положении, так как власти субъектов РФ видят в них

Таблица 3

Десять городов — лидеров по объему инвестиций в основной капитал в 2010 г.

Город	Численность населения на конец 2010 г., тыс. чел.	Доля города в объеме накопленных инвестиций по всем городам за 2006—2010 гг., %	Объем инвестиций в основной капитал, млрд руб.				
			2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.
Москва	11 552 (1)*	16,3 (1)	516	634	736	593	544
Санкт-Петербург	4869 (2)	6,6 (2)	155	243	296	261	298
Новосибирск	1475 (3)	1,3 (8)	30	48	67	48	55
Екатеринбург	1387 (4)	1,4 (6)	37	51	72	44	62
Казань	*1145 (8)*	*1,8 (4)*	*52*	*69*	*67*	*68*	*84*
Пермь	992 (12)	1,4 (5)	34	53	65	56	60
Краснодар	834 (18)	2,2 (3)	22	42	64	134	190
Владивосток	*616 (24)*	*0,9 (20)*	*11*	*13*	*25*	*43*	*91*
Сочи	*422 (44)*	*0,8 (25)*	*7*	*15*	*24*	*59*	*55*
Нижнекамск	234 (85)	0,9 (19)	13	16	33	63	61

* В скобках — место, занимаемое городом в соответствующем рейтинге. Курсивом выделены города — центры проведения крупных международных мероприятий. Составлено по данным ГМЦ России, 2012 г.

"витрину" своего региона и пытаются их приукрасить, причем часто в ущерб остальным городам региона. Колоссальные средства, в том числе государственные, идут на "знаковые" проекты, в которых региональные власти находят способ изменить имидж региона. В качестве примера можно указать строительство крупнейшей в Европе мечети и делового центра "Грозный-Сити" в Чечне.

При этом некоторые малые и средние города, не имея таких изначальных преимуществ, как столичный статус, значительный демографический потенциал, востребованную рынком специализацию, выгодное положение, смогли за счет "культивирования" имиджа стать успешными центрами. В целом эта модель развития наиболее эффективна для небольших городов, однако она действенна только вместе с другими факторами. Так, даже наиболее известный в этом плане г. Мышкин обладает выгодным экономико-географическим положением (ЭГП) на Волге, вблизи основных туристических центров Золотого кольца России, а также активами в виде пристани для приема круизных теплоходов и газокомпрессорной станции ОАО "Газпром". Нужно также отметить, что заработала эта модель только во второй половине 1990-х — 2000-е гг., когда в стране сформировался платежеспособный спрос на туристические услуги. Так, г. Мышкин не смог "раскрутиться" с первой попытки, хотя Музей мыши был создан еще в 1991 г. Позже (в 2000-е гг.) с подачи бывшего мэра Москвы Ю.М. Лужкова стал развиваться бренд г. Великий Устюг в качестве "родины" Деда Мороза. Для реализации имиджевой модели важно наличие лидера и инициативной (креативной) группы, а также внешнего импульса, который становится катализатором разработки и реализации этой модели развития.

Для крупных многофункциональных городов мало одного имиджа, будь то Колобок для Ульяновска или Снегурочка для Костромы, как и усилий властей по созданию благоприятных условий для развития бизнеса. Так, хотя Ульяновск и возглавил рейтинг 30 городов страны по легкости ведения бизнеса (вместе с Саранском и Владикавказом) в рейтинге Всемирного банка "Doing Business in Russia"[5], это не сильно отразилось на динамике его развития (впрочем, как и Саранска с Владикавказом). Хотя город занимает 22-е место в рейтинге по численности населения и является областным центром, по объему накопленных инвестиций он находится только в 7—8 десятке городов страны.

Кроме политики властей одним из субъективных факторов, влияющих на развитие городов, служит *политика крупного бизнеса*, которая особенно сильно отражается на развитии монопрофильных или так называемых вотчинных городов тех или иных корпораций. В целом тот бизнес, который развился в данном городе и который продолжает отождествлять себя с ним, поддерживает его развитие, тогда как внешний бизнес безразличен к судьбе этого города. Так, даже в довольно благополучных нефтяных городах ХМАО состояние городской среды сильно зависит от политики "владельца". Наиболее привлекательны города ЛУКОЙЛа, промежуточное положение занимают центры ТНК-ВР, а наименее привлекательно выглядят города "Сургутнефтегаза".

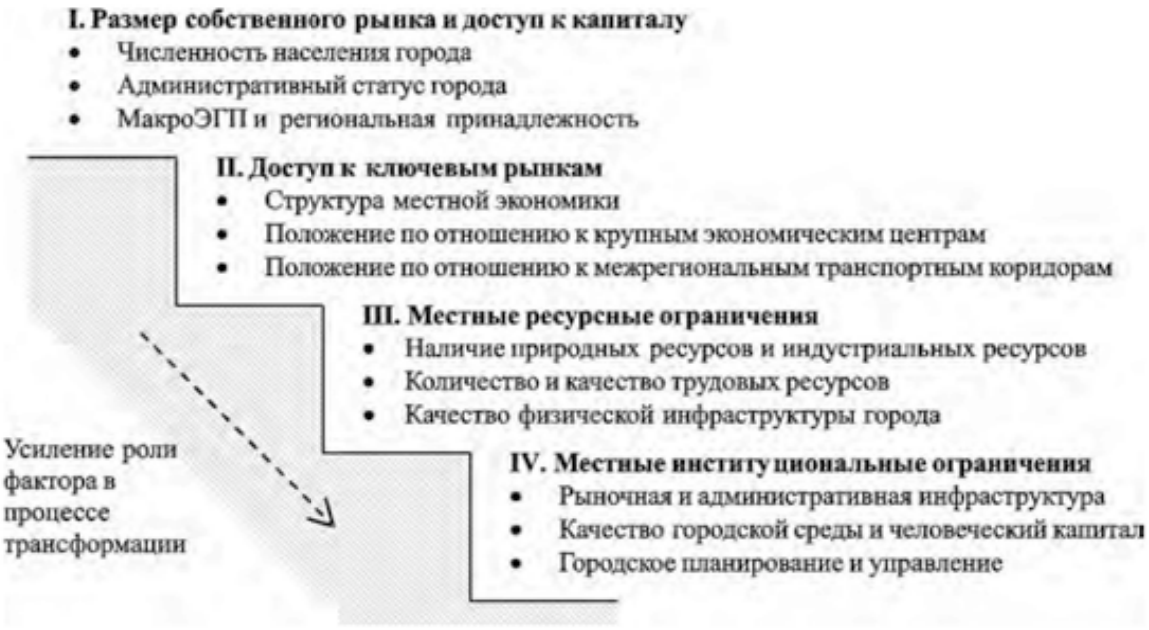
Качество городской среды становится одним из факторов дифференциации траекторий развития городов, которому в современной России начинают уделять все больше внимания. Кроме уже упоминавшихся нефтяных (шире — сырьевых) городов, по качеству городской среды выделяются закрытые и научные центры Минатома и Минобороны, которые за счет концентрации относительно молодого, хорошо образованного и креативного населения также выделяются *качеством человеческого капитала*. В свою очередь это приводит к улучшению *качества городского управления*, к поиску *и развитию новых элементов рыночной и административной инфраструктуры*. В качества примера можно привести подмосковную Дубну с качественными городской средой и человеческим потенциалом, которая за счет развития малого и среднего наукоемкого бизнеса и наращивания новых функций уже в начале 2000-х гг. смогла иметь профицитный бюджет.

Пример эффекта *кумулятивного воздействия разных факторов* — самый маленький из наукоградов страны п.г.т. Кольцово в Новосибирской области, ведущий институт которого лишился государственного финансирования и был спасен за счет средств городского бюджета. В дальнейшем вокруг института, получившего статус государственного научного центра, возникли дочерние предприятия, бизнес-инкубатор, а позднее и технопарк. В 2003 г. п.г.т. Кольцово получил статус наукограда, сегодня это активно развивающийся центр с растущим населением. Хотя и в этом случае тренды его развития, активность властей и населения, как и сам факт его возникновения, связаны с его функциями и преимуществами экономико-географического положения: функции научного центра сочетаются с пригородным положением (поселок расположен в 25 км от центра Новосибирска и в 12 км от Академгородка) и близостью к аэропорту.

Выводы:

— построена схема пространственно-временно́й иерархии факторов, определявших положение города на разных этапах постсоветской трансформации (рисунок). В начале этого процесса наименьший спад и первые признаки развития наблюдались в крупнейших центрах, которые одновременно были столицами регионов, обладавших выгодным макроЭГП. Кроме того, более благополучная ситуация сложилась в тех городах, которые обладали "правильной" структурой экономики, унаследованной от советского периода,

[5] Рейтинг экономик — Российская Федерация. URL: http://russian.doingbusiness.org/rankings/russia = (дата обращения: 09.06.2012).



Пространственно-временная иерархия факторов экономического положения российского города в процессе постсоветской трансформации

и близостью к крупным ключевым рынкам. Спад в городах за пределами этих двух групп, фактически представленных крупнейшими городами и их агломерациями, проявился сильнее всего. В стадии восстановления экономики пространственные границы экономического оживления расширяются в результате включения двух других факторов: местных условий и местных институтов;

— установление в стране "неолиберальной" идеологии отразилось на усугублении экономических диспропорций в развитии городов. Советское пространственно-экономическое наследство — важный фактор дифференциации показателей развития городов, но коренные причины усиления пространственной неравномерности в постсоветский период связаны главным образом с господствующими политико-экономическим и геоинституциональным режимами, которые задают "матрицу" возможностей и ограничений для "капитализации" наследия. Именно этим объясняется то, что при социализме городская география служила локомотивом равномерного пространственного развития, а при неолиберализме та же география стала выполнять обратную функцию;

— пространственные элементы нового режима — идеология "свободного плавания" в отношении основной массы городов и непропорциональная поддержка узкого круга политически назначенных "локомотивов роста", "городов-витрин" и городов-"мегасобытий". На фоне централизации рычагов управления и концентрации финансовых потоков (как по административной иерархии, так и по финансово-олигархическим кланам) новая идеология и практика переформатируют ранее эгалитарное пространство в новый неравномерный порядок;

— в современной российской урбанистической литературе доминирующая роль указанных ранее движущих сил скрыта под кажущейся предопределенностью неравномерного пространственного развития факторами, которые скорее являются опосредствующим звеном, нежели первоисточником. Таким образом, происходит "натурализация" экономико-географических процессов, которые имеют под собой политические корни и должны стать предметом широкого обсуждения для выработки более прогрессивных моделей территориального управления и государственного устройства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Битюкова В.Р., Махрова А.Г.* Устойчивое развитие городов: экономико-географический аспект // Образование для устойчивого развития: опыт Восточной Европы, России и Центральной Азии. М., 2008. С. 179—187.

2. *Вендина О.И.* Невидимые сдвиги в развитии городов // Географическое положение и территориальные структуры. Сб. памяти И.М. Маергойза. М., 2012. С. 780—811.

3. *Зубаревич И.* Российские города как точки роста // Российское экспертное обозрение. 2006. № 2 (16). URL: http://www.rusrev.org/content/review/default.asp?shmode=8&ids=125&ida=1197&idv=1204= (дата обращения: 25.06.2012).

4. *Зубаревич Н.В.* Социальное развитие регионов России: проблемы и тенденции переходного периода. М.: Едиториал УРСС, 2005.

5. *Зубаревич Н.В., Махрова А.Г.* Наукограды России — точки роста или стагнации // Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации за 2004 год. М., 2004. С. 103—104.

6. *Махрова А.Г.* Формирование рынков жилья в городах России // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. География. 2007. № 1. С. 49—56.

7. *Махрова А.Г., Голубчиков О.Ю.* Российский город в условиях капитализма: социальная трансформация внутригородского пространства // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. География. 2012. № 2. С. 26—31.

8. *Махрова А.Г., Перцик Е.Н.* Урбанистическая революция // География, общество, окружающая среда. Т. V. География социально-экономического развития Ч. 3. Трансформация социально-экономического пространства России. М., 2004. С. 570—579.

9. Московский международный урбанистический форум. URL: http://urbanforum.ru/mediaroom/videos/17 = (дата обращения: 25.06.2012).

10. *Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И.* "Сильные" и "слабые" города России // Полюса и центры роста в региональном развитии. М., 1998. С. 135—143.

11. *Нефедова Т., Трейвиш А.* Города и веси: поляризованное пространство России // Демоскоп Weekly. 2010. № 437—438. URL: http://demoscope.ru/weekly/2010/0437/tema01.php = (дата обращения: 19.05.2012).

12. *Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И.* Динамика и состояние городов в конце XX века // Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен. М., 2001. С. 196—225.

13. *Перцик Е.Н., Питерский Д.С.* Оценка потенциала развития городов России // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. География. 2010. № 1. С. 12—17.

14. *Трейвиш А.И.* Город, район, страна и мир. Развитие России глазами страноведа. М.: Новый Хронограф, 2009.

15. *Brenner N.* Glocalization' as a state spatial strategy: urban entrepreneurialism and the new politics of uneven development in western Europe // Remaking the Global economy: Economic-geographical herspectives. L.; Thousand Oaks: Sage, 2003. P. 197—215.

16. *Golubchikov O., Phelps N., Makhrova A.* From closed city to edge city? Governing growth at the periphery of Moscow — the case of Khimk // Intern. Perspectives on Suburbanization: A Post-Suburban World? Palgrave-MacMillan, 2011. P. 177—191.

17. *Golubchikov O.* World-city-entrepreneurialism: globalist imaginaries, neoliberal geographies, and the production of new St Petersburg // Environment and Planning. 2010. Vol. A, N 42 (3). P. 626—643.

18. *Molodikova I., Makhrova A.* Urbanization patterns in Russia in Post-Soviet era // The Post-Socialist City. Urban form and space transformations in Certain and Eastern Europe after socialism. Springer, 2007. P. 49—66.

19. *Treivish A., Brade I., Nefedova T.* Russian cities at a crossroads // GeoJournal. 1999. Vol. 49, N 1. P. 115—127.

Поступила в редакцию
18.07.2012

O.Yu. Golubchikov, A.G. Makhrova

FACTORS OF UNEQUAL DEVELOPMENT OF RUSSIAN CITIES

Factors of unequal development of Russian cities during the post-Soviet period are analyzed in terms of the interrelation between different groups of objective and subjective factors. Population of a city, its functions and status, inherited structure, economic-geographical position, policies of authorities and business, quality of the urban environment and human capital are all discussed as factors of unequal development of Russian cities.

Key words: cities, unequal development, factors of transformation, population numbers, city functions, EGP, urban policies.